

Власова Татьяна Ивановна,

Днепропетровский национальный университет

железнодорожного транспорта имени акад. В. Лазаряна,

доктор философских наук, профессор, зав. каф. филологии и перевода

Феминизм и эпистемология в трансформациях Постмодернизма

Аннотация: Философский плюрализм как ключевой термин при анализе знания и феминизма в постмодерне предполагает многообразие дискурсивных жанров, формирующих и специфическое видение реальности, и специфическую эпистемологию. Рационально объяснимый мир не может быть конечной целью феминистских этических систем; разумным является интеллектуальное доверие к себе, способность отвечать своим собственным внутренним стандартам.

Ключевые слова: гендер, эпистемология, рациональность, плюрализм, дискурсы, идеология.

Фемінізм та епістемологія в трансформаціях постмодернізму

Анотація: Філософський плюралізм як ключовий термін під час аналізу знання і фемінізму в постмодерні передбачає многообразие дискурсивних жанрів, які формують і специфічне бачення реальності, і специфічну епістемологію. Рационально пояснювальний світ не може бути кінченою ціллю феміністських етичних систем; розумним є інтелектуальна довіра до себе, здатність відповідати своїм власним внутрішнім стандартам.

Ключевые слова: гендер, епістемологія, раціональність, плюралізм, дискурси, ідеологія.

Feminism and Epistemology in the Transformations of Postmodernism

Abstract: The philosophic pluralism as a key term in the analysis of knowledge and feminism implies the diversity of the discursive genres which form both specific vision of the reality and

specific epistemology. The rationally defined world cannot be an ultimate aim of the feminist ethic systems; the rational approach in feminism means meeting internal standards both of a woman and a man.

Key words: gender, epistemology, rationality, pluralism, discourses, ideology.

Одной из главных целей пост современных исследований гендера парадоксальным образом является как признание универсальной рациональности женщин, так и утверждение ценности специфического женского опыта, его важности в процессе познания рационального или иррационального. Бесспорно, все великие философы согласны с тем, что человеческая природа мужчин и женщин различна, маскулинность и фемининность не имеют одинакового значения в культуре или науке, но здесь и возникает ключевой вопрос: в чем именно состоит значение различий между мужчинами и женщинами с точки зрения эпистемологического анализа.

Как известно, фундаментальным тезисом феминистской эпистемологии является убежденность в том, что наша локация в мире позволяет нам постигать различные аспекты как окружающего нас мира, так и нашей деятельности в нем. Следует сразу же заметить: невзирая на определенную сложность и присутствующее напряжение в отношениях с постмодернистскими теориями, феминистская философия, в целом, и эпистемология, в частности, имеют отчетливые характеристики, ассоциируемые с постмодернизмом. Последнее связано с многообразием дискурсивных жанров постмодерна, формирующих не только специфическое видение социальной реальности, но и специфическую эпистемологию с признанием полицентричности окружающего мира, плюральности как типов мышления, так и подходов, с помощью которых можно познавать и прошлое, и настоящее, координируя новые практики с прежними социальными устоями.

Анализируя знание, скептицизм, свободную волю или идентичность, ученые-постмодернисты, как правило, отталкиваются от понятия философского плюрализма. Например, Р. Нозик, отвергая идею строгого философского доказательства, уверен в том, что самые различные идеи можно рассматривать исходя из критерия адекватности и связности, и даже те идеи, которые занимают низшие места в «табели о рангах», могут помочь проникнуть в «суть вещей» [1].

Здесь нужно вновь подчеркнуть, что феминистская теория постмодерна дала миру кардинально новые идеи, но при этом она является зачастую символом интеллектуальной опасности и угрозы для многих наук. Интеллектуальная опасность состоит, по мнению Э. Ф. Келлер, во взгляде на науку как на чисто социальный продукт: в гендерных

исследованиях подчеркивается тесная связь науки и идеологии, и потому объективность теряет свойственное ей значение. В результате перед нами культурный релятивизм, и определение истины становится вопросом политическим. На таком фоне, замечают исследователи, у феминистов появляется желание не только отказаться от стремления стать значимой частью научного сообщества, но и вернуться к чисто «женской» субъективности, оставив рациональность и объективность мужчинам как «ненужные феминистам продукты чисто мужского сознания» [2].

Как известно, Декарт считал, что разум не имеет пола. В картезианском наследии предполагается, что идеальные обладатели знания – это одиночные индивиды, стремящиеся к позиции нейтральности и беспристрастности в отношении культуры и истории. Также предполагается, что идеальный субъект знания неизменен и внеисторичен. С другой стороны, философы-феминисты доказывают, что знание не постигается во внеисторичных терминах; знание социально обусловлено и не является неизменным. Субъекты – даже в общем смысле – не идентичны, но помещены в культурный и социальный контекст, который конструирует их. Поэтому культурные различия нельзя рассматривать как «излишек» универсального подобия субъектов – рациональных агентов. Различия между индивидами, «внутренняя игра» субъектов и их сообществ должны включаться в философские исследования как важные факторы, утверждают исследователи гендера [3].

Философы-феминисты доказывают, что рассудок может играть существенную роль в принятии этических решений, но он не является единственным арбитром в этическом выборе, тем более – не самым главным. В этом смысле рационально объяснимый мир может не быть конечной целью этических систем, в то время как абстрактные понятия справедливости и честности могут быть адекватны идеалам, к которым нужно стремиться [4]. Р. Фоули, например, доказывает, что обладать рациональным мнением скорее означает отвечать своим собственным внутренним (интернальным) стандартам, чем стандартам, навязанным нам извне. То есть это вопрос неуязвимости по отношению к интеллектуальной внутренней критике. Лейтмотив данных исследований – это то, в какой степени мы можем положиться на наши собственные ресурсы и методы при формировании суждений, в какой степени нам следует считаться с мнением различных авторитетов. Р. Фоули утверждает, что разумным является интеллектуальное доверие к себе, хотя и невозможно защитить надежность своих ресурсов, методов и суждений без того, чтобы признать тот или иной вопрос не требующим доказательств [5].

В этой связи важно заметить, что в истории философии и культуры, в целом, всегда подчеркивалась (как подчеркивается и сегодня) «природная» неспособность женщины

принимать рациональное решение. Одним из главных аргументов такого положения вещей был (и продолжает быть) тезис о том, что главная черта душевного мира женщины – это высокая эмоциональность, «страсти», присущие всем женщинам всегда и везде.

Ж. Ллойд, исследуя взаимосвязь дихотомий «мужчина-женщина» и «разум-эмоции» в текстах Ж.-Ж. Руссо, указывает, что фемининность постигается одновременно как незрелая стадия сознания, находящаяся далеко позади «продвинутого Разума», и как объект низкопоклонства, как «пример» стремления Разума возвратиться к Природе в будущем [6]. Да, женщина соотносится с эмоциями, мужчина – с разумом, пишет Н. Туана, но рациональность вовлекает «комплексную взаимозависимость» между разумом и эмоциями [7, с.47].

Стоит вспомнить работу «Длинные волосы, короткие мысли» Ла Дозфф, где она анализирует противоречивый статус женщин в философии. С одной стороны, философия «снисходительна» к женщинам, позволяя им вторгаться в свою сферу. С другой стороны, философия ограничивает те способы, с помощью которых женщины могут «участвовать» в философии. «Допуск» женщин в философию, по сути, является исключением женщин из сферы философии: женщины оцениваются в терминах маргинальности как последователи, комментаторы, восхищенные корреспондентки, умные читатели, хорошие ученики, дочери, любовницы философов – мужчин [8].

В бинарной оппозиции «дух-материя» дух, который ассоциируется с рациональным и этически здоровым, во всех отношениях стоит выше материи и по праву предназначен ею руководить. Однако материя, пассивный женский потенциал, обладает темными силами, которые необходимо ограничивать и подавлять. Поэтому, когда материальная природа проявляется в женщине, ее надо безжалостно контролировать. В патриархатном мире предполагается, что такое иерархическое устройство наилучшим образом поддерживает порядок универсума. Несмотря на предположение, что женская духовность считается приобщением к некой трансцендентной сущности, на самом деле установленные социальные ресурсы закрывают к ней доступ. Это та духовность, которую исследователи называют «прирученной духовностью».

Утверждается, что знание, полученное посредством того, что другие рассказывают нам, составляет большую часть корпуса нашего знания. Маленькие дети почти полностью зависят от того, что их родители рассказывают им и здесь трудно переоценить роль женщины-матери, воспитателя, педагога. Весьма значительная часть знания, которым обладают взрослые, также приобретается через «вторые руки» – посредством книг, средств массовой информации, друзей или учителей. «Свидетельское показание»

позволяет знанию распространяться в обществе и передаваться от поколения к поколению. Как утверждается, именно оно лежит в основании культуры и цивилизации.

Таким образом, проблему гендера и дискурса в феминистском исследовании нельзя обойти стороной. При этом следует подчеркнуть, что история, нарратив, культура и гендер связаны неразрывно.

В контексте данной работы вопрос можно поставить следующим образом: «Почему женщины поверили «свидетельским показаниям» мужчин?». Данное К. Марксом классическое определение идеологии гласит, что идеологическим утверждением зовется такое, где под видом объективного преподносится тенденциозное. По Марксу, за распространение идеологии в значительной степени ответственен правящий класс: «Идеология, господствующая в обществе, есть идеология господствующего в нем класса». Однако эти взгляды, по справедливому замечанию ученых, не были бы так прочны, если бы воспринимались как навязанные силой: «идеология выпускается в общество как газ, лишенный цвета и запаха». [121, с. 208]. Идеология пронизывает газеты, журналы, рекламу, телевизионные программы, учебники, интернет, маскируя однобокое, нелогичное и часто несправедливое мировоззрение под вечные истины. На протяжении истории немало типических идей возводилось в ранг естественных. Как непреложный факт подавалась, например, идея, что мужчине изначально дано повелевать женщиной, что это вечное установление, которое мы не в силах и не в праве изменить.

Как известно, «новая» идеология постмодернизма заключается в том, что все – идеология. Создание и продвижение «ограниченных» / локальных нарративов в последнее время становится одним из наиболее эффективных идеологических каналов. В современном обществе особую роль в создании и воспроизведении подобных нарративов играют СМИ в целом, и «топ»-журналисты, в частности, представления, идеалы и вкусы которых в конечном счете определяют эмоциональное, информационное и даже мировоззренческое воздействие материалов масс-медиа на аудиторию.

Нарративы гендера и пола, безусловно, подверглись в последнее время определенной трансформации, но «ментальная карта» гендерных нарративов границы изменила лишь в незначительной степени.

В то же время необходимо признать: изменение гендерных «историй» и нарративов, несомненно, происходит, все больше отклонений от доминирующих нарративов, все больше случаев «деиндефикации» (М. Уайт), переходов к другому нарративу, где больше творческих возможностей и «размаха». Ученые говорят о «предпочтительном» нарративе, понятии, заимствованном у деконструктивистов, исходя из представлений необъективистской парадигмы. Другими словами, все больше женщин

(как и мужчин) активно конструируют свою гендерную «историю» в ходе взаимодействия с условиями внешнего окружения и социального поля постмодерна. В плюралистической культуре постмодерна каждый человек участвует во многих значимых культурах, каждая из которых обладает своими нарративами. Представители одной культуры одновременно обладают членством в других культурах (или субкультурах) и могут вступать в конфликт, по-прежнему принадлежа к одной «целостной» культуре. «Гендерный конфликт» – яркий тому пример. Как отмечается, в разных культурах степень вариаций, к которым толерантно относится основная группа, отличается. Бытующие в каждой культуре убеждения о биологической обусловленности определенной гендерной характеристики, несомненно, являются глубинной частью нарративной «истины», принадлежащей этой культуре. Но в разных культурах эти истины значительно различаются и с течением времени существенно меняются в пределах одной и той же культуры, – это относится и к субкультуре, известной под названием «academia» и наука.

Как отмечают все исследователи, те культуральные формы, в которых мы живем сегодня, находятся в состоянии изменения. Феминистская критика патриархатной культуры, как правило, включает деконструкцию и пересмотр превалирующих гендерных норм и повествований патриархата. Парадигма постмодерного индивидуализма является безусловно зависимой от гендерных представлений и тесно связана с беспрецедентным технологическим прогрессом. Теоретики гендера понимают: для достижения альтернативы «женщины разумной» нам необходима новая история мира и «Я» отдельного человека, восстанавливающая взаимозависимые отношения между частью и целым, индивидом и социумом. В свою очередь в постмодерном обществе многое зависит от деконструкции гендерной идеологии в качестве предпосылки создания новых гендерных историй культуры и индивида с иным пониманием смысла «Я» – мужчины и женщины в сообществе постсовременного мира. Философы-феминисты, исследователи гендера на протяжении последних десятилетий сделали то, что еще сто лет назад казалось невообразимым: вступив в теоретический диалог, они доказали, что само построение академического канона философии, в том числе и ее эпистемологии, служит инструментом для достижения и сохранения одного из величайших зол, причиненных женщинам, – лишения их права быть «полноценными рациональными гражданами», участвующими в политических дебатах на уровне принятия решений, принимающими решения на уровне властных структур. Феминистская интерпретация как конкретных текстов, так и культуральных нарративов показала, что важной составляющей взаимодействия гендера и власти являются гендерные стереотипы и представления, лежащие в основе метанарративов западной культуры. Ученые подчеркивают важность их

репрезентации в сфере образования и науки: представления о фемининном и маскулинном отражают доступ и принадлежность к власти. И здесь особенно показательны те качества в мужчинах и женщинах, которые объявляются социально значимыми для целей образования и науки. В то же время философы-постфеминисты показывают в своих работах, что в патриархатных обществах осуществление властных полномочий происходит не только через традиционные способы властвования: речь идет о так называемых «женских способах познания и влияния», – что не означает их использования исключительно женщинами. Эта проблематика, затрагивающая многие классические гендерные дихотомии, их взаимоотношения и соотношения с различными системами постмодерна, представляется и сегодня актуальной и перспективной.

1. Nozick R. Conditions for Knowledge // Bernecker S. Reading Epistemology. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2006. – P.15-26.
2. Келлер Э.Ф. Феминизм и наука // Женщины, познание и реальность. – М.: РОССПЭН, 2005. – С.200-214.
3. Chanter T. Gender Key Concepts in Philosophy. – London: Continuum, 2006. – 176p.
4. Hartsock N. The Feminist Standpoint: Revisited and other Essay. – West View Press, 1998. – 262p.
5. Foley R. What's Wrong with Reliabilism? // Bernecker S. Reading Epistemology. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006/ – 198 p.
6. Lloyd G. The Man of Reason: “Male” and “Female” in Western Philosophy. – London: Routledge, 1993. – 168p.
7. Tuana N. Woman and the History of Philosophy. – New York: Paragon House, 1992.
8. Deutscher P. Yielding Gender. – London and New York: Routledge, 2004. – 224p.
9. Боттон А. Озабоченность статусом // Иностранная литература. – № 1, 2012. – С.188-211.